

ХУДОЖНИКИ ТЁМНОГО РЕМЕСЛА

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Муравьёв

Квинтэссенция убийства

Виктор Муравьёв

Художники тёмного ремесла 2

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Художники тёмного ремесла 2 / В. Муравьёв — «Автор»,
2026 — (Квинтэссенция убийства)

Они не герои. Они — художники тёмного ремесла. Те, кто работает там, куда не проникает обычный свет. Контрабанда, теневые схемы, поиск пропавших — это их профессия. Но во второй книге всё меняется. Теперь они сами — добыча. Ордер выписан, свои стали чужими, и каждый шаг может оказаться последним. Чтобы выжить, придётся ответить на вопросы, которых они избегали всю жизнь. Кому можно верить, когда предадут даже те, с кем делил стол? Что делать, если семья — это не защита, а приговор? И как остаться человеком, когда весь мир твердит, что ты его уже потерял? Продолжение истории о троих, чья дружба темнее, чем их ремесло, а юмор — единственное, что держит над бездной.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктор Муравьёв

Художники тёмного ремесла 2

Глава 1

Максим толкнул тяжёлую стеклянную дверь и шагнул внутрь.

Внутри пахло новым деревом, свежей краской и чем-то ещё — тем особым, неуловимым запахом, который появляется в помещениях, где всё сделано с любовью и только что. Полы из тёмного матового камня, стены — грубый кирпич, но не в стиле «заброшенный завод», а аккуратный, дорогой, с подсветкой, которая выхватывает каждую неровность кладки. Барная стойка — огромная, дубовая, с медными вставками и подсвеченными полками. За ней — десятки бутылок: виски, ром, текила, что-то с золотыми этикетками и что-то с китайскими иероглифами, о которых лучше не спрашивать.

Максим остановился у входа. Оглядел зал.

Здесь ещё не было людей. Только утренний свет пробивался сквозь огромные панорамные окна, разливаясь по пустым столам и по мягким диванам, расставленным так, чтобы каждый мог видеть и большой экран на стене, и соседа за соседним столиком. PlayStation 4, PlayStation 5, мониторы — аккуратные, ровные ряды, без единого провода, торчащего наружу. Всё спрятано, всё убрано, всё дышит порядком и деньгами. За дальним столиком — отдельная зона для настолок: длинный стол, покрытый сукном, подставки для карт, даже старые добрые кубики — огромные, двадцатигранные, в прозрачной колбе.

Максим прошёл к барной стойке, провёл рукой по дубовой столешнице. Провёл пальцем по краю — чисто. Улыбнулся сам себе. Потом достал из кармана ключ — длинный, старый, с выщербленной бородкой — и открыл ящик под стойкой. Включил свет. Теперь зал заиграл всеми своими возможностями: тёплые лампы над столиками, холодный свет над игровыми зонами, мягкая подсветка на витринах — словно сам дизайн был разговором, который вели свет и тени.

Он подошёл к летней террасе — стеклянные двери, которые сейчас были закрыты, но уже отсвечивали утренним солнцем. В углу стояла большая кадка с пальмой, на подоконниках — живые цветы. Терраса выходила в небольшой сад, но за ним уже начинался городской шум, который в это время суток был ещё далёким и не тревожным.

Максим остановился у двери на террасу. Прислонился плечом к стеклу.

— Ну здравствуй, — сказал он негромко, обращаясь к пустому залу.

И вдруг, сам того не замечая, начал издавать ртом тот самый звук — «чпок», с которым пробка вылетает из бутылки шампанского. Негромко, но отчётливо. Чпок. Пауза. Чпок. Снова пауза. Словно в его голове играл неслышный джаз, и он аккомпанировал ему на воображаемом ударном инструменте. Теперь здесь есть то, за что можно держаться.

— Здорово, Макс.

Максима как будто током ударило. Он весь подобрался, напрягся, лицо дёрнулось — на мгновение стало карикатурно-испуганным, — и он издал такой звук, будто его застали за чем-то постыдным. Резко обернулся, задрал голову к потолку и выдохнул с облегчением.

— Твою мать! Дмитрий Борисович! Это ты... Тьфу ты. А я думал, насрал кто-то.

Дмитрий ухмыльнулся — криво, по-свойски, — и, не спрашивая разрешения, подошёл к бару. Взял с полки бутылку текилы — не самую дешёвую, но и не ту, что прячут для особых гостей, — и два тяжёлых стакана с толстым дном. Поставил их на стойку, сел на высокий табурет и, крутанув бутылку в пальцах, кивнул Максиму.

— Слушай, я к тебе тут по одному делу.

Максим уже садился рядом, но на полпути перехватил у Дмитрия бутылку с той стремительной ловкостью, которая появляется у него только в одном случае: когда он чувствует, что его территорию кто-то пытается контролировать.

— Я сам налью, — сказал он, отодвигая бутылку к себе. — У тебя глазомер ужасный. Ты просто очень криво наливаешь всегда. Я не знаю, что у тебя за беда. Может, тебе пролечиться, клизму там поставить... С лаврушкой, не знаю. Короче, я сам.

Дмитрий фыркнул, но спорить не стал. Откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди.

— Да пожалуйста, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Пожалуйста.

Максим разлил ровно по два пальца, подвинул один стакан Дмитрию, второй взял сам. Они выпили — коротко, без тоста, по-деловому. Текила обожгла горло, и Максим довольно прищурился, ставя стакан на стойку.

— Так чё хотел-то? — спросил он, облизывая губы. — Жопосранчик ты мой, сладенький.

Дмитрий усмехнулся, подался вперёд, понижая голос до доверительного полутона.

— Слушай, я тут с Клещом работаю вплотную. И у меня дело такое...

— На сто рублей убытка, знаю я ваши дела, — перебил Максим, не дав ему договорить. — Ты ближе к делу, к сути. Хватит kota за яички щекотать и за хвост за одну тянуть. Вообще у тебя странный, конечно, фетиш — котов за хвост дёргать и яички щекотать. Что ты за человек, ей-богу.

Дмитрий фыркнул — не обиженно, а скорее с одобрением. Выдержал паузу, давая Максиму выдохнуть, и продолжил уже серьёзно, глядя прямо в глаза:

— Значится, слушай сюды.

Он откинулся на спинку стула, взял со стойки салфетку и начал рисовать на ней пальцем, как будто чертил схему.

— Есть у нас один тип. Не знаем, как его зовут. Не знаем, как он выглядит. Но он управляет сетью, которая раскинута по всему городу. Химия, логистика, бесконтактные закладки, крипта, курьеры — всё, как в учебнике. Только с одним отличием.

Он поднял палец вверх и посмотрел Максиму в глаза.

— Он не светится. Вообще. Никак. Мы пытались подойти с разных сторон: перехватывали курьеров, брали операторов, даже одного кладовщика вытащили. Верхушку — ноль. Все ниточки обрываются на подставных лицах, на мертвых душах, на криптокошельках, которые ведут в никуда. Мы знаем, что он есть. Мы знаем, что он управляет всем. Но мы не знаем, кто он.

Максим слушал молча. Потом почесал затылок и спросил:

— А с чего начали-то? Как вы вообще на него вышли?

— Нашли одного, — Дмитрий пожал плечами. — Думали, это он. Начали пасти. Телефоны, локации, контакты — пустота. Всё чисто, как у младенца. Слишком чисто. Мы поняли: это подставное лицо.

Он достал телефон, пролистал что-то и протянул Максиму.

— Вот его профиль. Обычный парень. Работает, гуляет, фоткается с девушкой. Ничего криминального. Но мы знаем, что он — часть системы. Или она — часть системы. Мы не знаем, кто именно, но они связаны.

Максим взял телефон, начал листать фотографии. Дмитрий тем временем продолжил:

— Мы сняли прослушку с его телефона — ноль. С её телефона — тоже ноль. Локации — ничего подозрительного. Дом, работа, кафе, спортзал. Ровный, предсказуемый график. Как будто их специально вывели на свет, чтобы мы смотрели на них, а не на того, кто за ними стоит.

Максим остановился на одной из фотографий. Приблизил, взгляделся. Потом медленно поднял голову.

— А это чё за барышня? — спросил Максим, приближая экран к лицу.

Дмитрий глянул поверх его плеча.

— А, это его пассия. Она постоянно с ним. Куда ни плюнь — везде вместе. Мы её тоже проверяли. Телефон — пустышка. Ничего полезного. В общем, не знаю. Видимо, она как-то связана с нашим организатором, которого мы ищем. Потому что очень много указывает на него, но что-то мне подсказывает, что не он.

Максим продолжал смотреть на экран. Приблизил изображение, вглядываясь в кольцо на безымянном пальце девушки. Потом отложил телефон, откинулся на спинку стула и посмотрел на Дмитрия долгим, тяжёлым взглядом.

— Смотри на кольцо, — сказал он. — Узнаёшь?

Дмитрий нахмурился.

— Ну кольцо так кольцо. И что?

Максим усмехнулся. Откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и начал рассказывать — неторопливо, смакуя детали, как лектор, который читает лекцию о редком экспонате.

— В 2016 году в Париже ограбили Ким Кардашьян. Пятеро мужиков в масках ворвались в номер, связали её и потребовали кольцо. Кольцо с бриллиантом в 15 карат. От Lograine Schwartz. Оно стоило около четырёх миллионов долларов. Грабителей поймали, но кольцо так и не нашли. Оно исчезло. Считается, что его переогранили, разобрали, продали по частям. Но оно до сих пор числится как пропавшее. И вот, — он постучал пальцем по экрану телефона, — оно у неё на пальце.

Дмитрий молчал. Смотрел то на телефон, то на Максима. Потом медленно покачал головой.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Он взял стакан, одним глотком допил остатки текилы, поставил на стойку и наклонился вперёд.

— Смекаешь?

Дмитрий помолчал. Потом пожал плечами.

— Я не особо чувствую, к чему ты ведёшь. Но, видимо, к какому-то финалу своей мысли.

Максим усмехнулся — широко, почти по-детски.

— Чувствовать можно пальчик в попке, — сказал он. — А всё остальное, мой друг, мы осознаём.

Он понизил голос:

— Клещ сделает копию. Мы знаем граммовку — это главное. Она носит его каждый день. Если вес не совпадёт — она почувствует. Значит, делаем точную копию. А внутри — прослушка. Мы подменим кольцо на её пальце, и через несколько дней будем знать не только, где они, но и с кем они говорят, что планируют, о чём молчат. Телефоны нам не нужны.

Дмитрий молчал. Потом спросил:

— А если почувствует?

Максим усмехнулся.

— Значит, это фуфло. И это даже лучше. Вряд ли человек, который носит дерьмо на руки, имеет реальные деньги.

Максим проводил Дмитрия до двери, хлопнул его по плечу, коротко и по-свойски, и вернулся в зал.

— Да, говно вопрос, обращайся, — бросил он уже в закрывающуюся дверь.

Стекло мягко защёлкнулось, и в баре снова стало тихо. Только где-то за стойкой гудел холодильник, да вентиляция тянула свой ровный, монотонный шум.

Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и водил большим пальцем по стику. На экране — бесконечная серая пустошь, ржавый корабль на колёсах, который тащился куда-то вдаль,

оставляя за собой тонкий след на высохшем дне океана. В игре не было ни слова. Только ветер, только скрип механизмов, только тишина, которая давила на уши тяжелее любого звука.

Он вкинул в рот третью таблетку. Не запил. Просто разжевал, поморщился от горечи и проглотил. Таблетки уже начали растекаться по крови, делая мир чуть более плотным, чуть более настоящим, чуть более *его*.

— Ну что, Лоун, — сказал он негромко, глядя на экран. — Опять ты по пустыне тащишься. Отца своего ищешь? Или просто забыла, зачем встала?

На экране девочка в длинном плаще забиралась на крышу своего Окомотива и смотрела вдаль. Ветер трепал её волосы. Где-то за горизонтом чернели силуэты затопленных городов.

Максим провёл пальцем по краю джойстика — по тому самому, что висел у него на коленях. Чёрный, матовый, с едва заметной текстурой, которая была почти незаметна, если не знать, куда смотреть. Он поднёс его к свету, повертел.

— Знаешь, — сказал он, обращаясь к пустому залу, к игре, к самому себе, — ты бы могла чувствовать. Вот этот контроллер, — он постучал пальцем по корпусу, — мог бы определять, когда ты боишься. Когда твои ладони влажные. Когда сердце колотится. Понимаешь?

Он откинулся на спинку кресла, продолжая смотреть на экран, где девочка спускалась в трюм корабля.

— В 2013 году, в июле, Марк Черни — тот, кто делал PlayStation 4, — рассказал про прототип. С датчиками пота. Гальваническая реакция кожи. Детектор лжи, только в джойстике. Они думали, что это будет круто. Что игры смогут читать твои эмоции. Что разработчики придумают что-то невероятное.

Он засмеялся — коротко, сухо.

— Они пошли к разработчикам. И спросили: «А как бы вы это использовали?». Разработчики посмотрели на датчики, посмотрели на свои игры и сказали: «Нахуй это нужно». И отказались.

Он положил джойстик на колени и посмотрел на стену, где в ряд висели контроллеры. Около двадцати штук. Каждый — со своей историей, со своим смыслом, со своей смертью. Некоторые из них никогда не попали в продажу. Некоторые — исчезли навсегда.

— Вот этот, — сказал он, показывая пальцем на один из них, висевший чуть выше остальных, — этот мог бы тебя понять. Он бы знал, когда ты боишься. Когда ты злишься. Когда ты просто устала тащить этот корабль по пустыне.

На экране Лоун остановилась. Посмотрела на горизонт. За её спиной — ржавый Окомотив, который тащил её вперёд, хотя она сама уже не знала, зачем.

— FAR: Lone Sails, — сказал Максим, не отрываясь от экрана. — Две тысячи копий по всему миру. Я нашёл свою случайно. На «Авито», конечно. Парень продавал за тысячу рублей, даже не знал, что у него в руках. В игре нет ни слова. Вообще. Ты просто идёшь. Тащишь свой корабль. Смотришь на руины, на затопленные города, на пустые дома. И думаешь: а что здесь случилось?

Он замолчал. Взял со столика блистер, выдавил ещё одну таблетку, посмотрел на неё.

— Согласно артбуку, — сказал он тихо, — цивилизация погибла не из-за войны. Не из-за катастрофы. А потому что не смогла адаптироваться. «Неумолимые, подступающие перемены». Океаны высохли. Люди ушли. Остались только те, кто мог тащить свой корабль по дну.

Он закинул таблетку в рот. Разжевал. Проглотил.

— Ты тащишь свой корабль, Лоун. И я тащу свой. Только у тебя он — наследство отца. А у меня, — он оглянулся на пустой зал, на стойку, на ряды джойстиков, на игру на экране, — у меня его нет. Я сам его построил. Из того, что смог найти. Из того, что не сгорело.

На экране началась новая сцена. Лоун стояла на крыше корабля и смотрела на горизонт, где чернели силуэты затопленных городов. За её спиной — ржавый механизм, который тащил

её вперёд. Ветер трепал её волосы. Где-то вдалеке, на самом краю экрана, виднелась точка — может быть, город, может быть, маяк, может быть, просто обман зрения.

Максим смотрел на экран. Потом медленно, очень медленно, опустил голову.

— Ну что, Лоун, — сказал он почти шёпотом. — Я тоже ищу отца. Только мой отец — это я сам. До того, как меня сломали. До того, как я начал глотать таблетки, чтобы слышать свои мысли.

Он поставил джойстик на колени, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На экране Лоун продолжала свой путь — медленно, упрямо, через пустыню, которая когда-то была дном океана.

Трель телефона разорвала тишину игрового зала — та самая, знакомая до боли, восьмибитная мелодия из «Танчиков», которую в девяностые крутили на каждом втором «Денди». Максим дёрнулся, выныривая из пустыни FAR: Lone Sails, и потянулся к трубке. На экране высветилось: «Егор».

— Здорово, — сказал он, прижимая телефон к уху. — Как чё сам?

Голос Егора был ровным, без лишних эмоций, но в нём чувствовалась та особая, сдержанная настороженность, которая всегда появлялась, когда дело касалось работы.

— Слушай, можешь подтянуться? Я тебе щас адрес скину. Дело есть. По нашей задачке.

Максим усмехнулся.

— Хорошо, скидывай.

Он положил трубку, глянул на экран — сообщение с адресом уже висело в мессенджере. Ресторан в центре. Дорогой. Не тот, куда ходят просто поесть.

Максим поднялся, поправил воротник футболки, бросил взгляд на спящий экран, где Лоун всё ещё стояла на своём корабле в пустыне. Нажал паузу. Вышел.

Порше стоял у входа — чёрный, карбоновый, с зеркальным кузовом, в котором отражались верхушки тополей и серое небо. Максим открыл дверь, плюхнулся в кожаное кресло, повернул ключ. Двигатель ожил мягко, без рыка — так просыпается зверь, который знает, что сегодня охота будет не за ним.

Глава 2

Ресторан встретил его тишиной и полумраком. Белые скатерти, тяжёлые портьеры, свечи в высоких подсвечниках. Воздух пах дорогим парфюмом и чем-то неуловимым — может быть, трюфелем, может быть, старым деревом. Максим прошёл через зал, не оглядываясь, — и увидел их.

Анна сидела спиной к нему, но он узнал её по наклону головы — той самой, с которой она всегда слушала собеседника, чуть склонившись вправо, будто пыталась разобрать самые тихие ноты разговора. Егор — напротив, развалившись на стуле с лёгкой полуулыбкой. Они смеялись. По-настоящему, легко, без той напряжённой осторожности, которая обычно сопровождала их встречи.

Максим остановился на мгновение. Потом улыбнулся — той самой, почти неуместной улыбкой, которая всегда появлялась, когда он видел что-то по-настоящему живое.

— Ну и нашли вы местечко, — сказал он, подходя к столику. — Прямо как в кино. Ресторан, свечи, вы двое... Чего, уже и шампанское заказали? Или без меня решили гульнуть?

Анна повернулась, на её лице — том самом, новом, которое он помог ей создать, — появилась та же лёгкая, живая улыбка.

— Без тебя, Макс, даже шампанское становится просто лимонадом, — сказала она.

Егор кивнул, указывая на свободный стул рядом с собой.

— Садись.

Максим, не успевший даже присесть, уже взял в руки меню — тяжёлый, в кожаном переплёте, с золотым тиснением. Он открыл его на первой странице, и взгляд его заскользил по названиям блюд.

— Слушайте, — сказал он, поднимая глаза на официанта, — а вы знаете, есть такая штука... Сибас. В Японии сибас известен как судзуки. И вот есть такой шеф-повар, Шеф Йошио Судо. Можно у вас заказать сибасо от Судо?

Официант улыбнулся — той особой, профессиональной улыбкой, которая означает «я вас услышал и уже прикидываю, сколько это будет стоить в чеке».

— Хорошо, — сказал он. — Одну минуту. Я сейчас уточню у нашего шеф-повара, сможет ли он приготовить для вас по этому рецепту.

Он развернулся и скрылся за дверью кухни.

Анна проводила его взглядом и чуть приподняла бровь, глядя на Максима:

— Сибасо от Судо? Ты это только что придумал?

Максим ухмыльнулся, пожимая плечами:

— Ну а вдруг? Японская кухня — она такая. Там каждый повар — художник. Хотя, если честно, я просто хотел посмотреть, как он отреагирует.

На кухне официант подошёл к повару.

— Слушай, Михалыч, — сказал он, понижая голос до доверительного полутона, — тут гость хочет сибаса от Судо.

Михалыч в этот момент быстро шинковал лук — нож ходил так ровно и быстро, что казалось, он был частью руки. Он остановился на полуразрезе луковицы, поднял глаза на официанта и, чуть прищурившись, потёр нос ребром ладони.

— Слушай, — сказал он, улыбаясь в усы, — ну если клиент хочет, ну пусть съёбывается, я-то чё?

Он усмехнулся, хмыкнул и снова уставился в лук — нож снова застучал по доске, ровно и быстро, словно и не было этой паузы.

Официант замер на мгновение, потом фыркнул.

— Блять... — выдохнул он. — Смешно.

Он уже взялся за ручку двери, но обернулся на полпути:

— Слушай, да чё мне сказать-то? Сибаса-то приготовишь ему какой-нибудь?

Михалыч махнул полотенцем.

— Да сделаю, сделаю, господи...

Официант вышел, прикрывая за собой дверь, и направился к столу, где Максим уже устроился на стуле, а Егор и Анна смотрели на него с тем особым выражением, которое бывает у людей, знающих, что сейчас начнётся что-то нелепое.

— Шеф-повар сказал, что с удовольствием приготовит для вас сибаса по рецепту Йошио Судо, — произнёс официант с той же безупречной улыбкой, которую он носил, как маску. — Это будет особое блюдо вечера.

Максим посмотрел на него, потом перевёл взгляд на Анну и Егора.

— Вы слышали? — сказал он. — Такое блюдо только у меня и у Майкла Джексона, как говорил Космос.

Анна, наклонившись чуть вперёд, понизила голос до делового полутона:

— Слушай, так вот, по нашему делу. В общем, система у нас проверена. Мы вот с Егоркой съездили в Дубай, всё узнали, и я тебе так скажу: пока мы на коне.

Максим, усмехнулся:

— Ну, скорее на бонобо!

Анна не дала ему увести разговор в сторону, продолжила, как будто не расслышала:

— Ну так карликового шимпанзе этого можно провозить в самых невыносимых условиях — в коробках и бамбуковых клетках, спрятанных среди одежды и еды в чемоданах. Дело не хитрое.

В этот момент официант поставил перед Максимом тарелку с сибасом. Тот сразу же накинулся на рыбу, начал чавкать с такой же самоотдачей, с какой обычно залипал в игры, и, прожевав первый кусок, с набитым ртом добавил:

— Кстати, там власти ужесточают контроль на рынках. Например, знаменитый рынок Warsaw теперь ограничен домашними животными, но торговля уходит в онлайн.

Анна пропустила его замечание мимо ушей и, чуть повысив голос, чтобы перекрыть его чавканье, закончила мысль:

— В общем, если провезём по заказу пять этих маргышек, то сам посчитай: это двести тонн зелёных на штуку.

Максим в этот момент глотнул сок, и вдруг чихнул. Кусочки рыбы разлетелись по ска-терти, по тарелке, по его рукаву. Он посмотрел на них с философским спокойствием, вытер губы салфеткой и сам себе, будто бы стороннему наблюдателю, сказал:

— Будь здоров!

Тут же чихнул снова, уже на пустой стол, и добавил:

— Рости с большим!

Анна прикрыла рукой лицо, стараясь не смотреть в его сторону, и выдохнула с таким страданием, будто ей только что сообщили, что вино закончилось:

— Блять. У меня испанский стыд за тебя...

Максим не обиделся. Даже не поморщился. Он просто вытер рот, откинулся на спинку стула и с той же спокойной улыбкой ответил:

— Это просто аллергия на хуёвые планы у меня.

Егор, который до этого молча следил за их перепалкой, наконец подал голос:

— А что не так?

Максим с трудом проглотил остатки набитого рта, потом отодвинул тарелку и подался вперёд:

— Да логистика — говно. Тащить в чемоданах — тупо. Давай сначала. Ты сказала двести тонн зелёных на штуку — я услышал. Ты сказала "провезём в чемоданах" — я тоже услышал.

И я тебе так скажу: это даже не логистика. Это детский сад. — Он отпил воды, поставил стакан с глухим стуком. — Вы вообще понимаете, как устроена контрабанда бонобо в Дубае?

Анна переглянулась с Егором, но Максим не дал им рта раскрыть. Он подался вперёд, понизил голос до того самого тона, который означал: «Сейчас будет лекция».

— Это не про чемоданы. Это про систему. Контрабанда бонобо в Дубай — это, прежде всего, ввоз и транзит. Мы не везём товар на рынок. Мы везём его конкретному заказчику. Члену королевской семьи. Ты понимаешь, что это значит? Даже если груз найдут, его не тронут. Потому что за ним стоит неприкасаемое имя. Шейх Мактум бен Мохаммед бен Рашид Аль Мактум, заместитель правителя Дубая. Если мы работаем на него, мы работаем чисто.

Он сделал паузу, давая им осознать вес названия, и продолжил:

— В Дубае контрабанда редких животных идёт не через техническое маскирование. Там маскировка не нужна. Там нужны слепые глаза. Проще заплатить брокеру, чтобы он не заметил груз. Потому что для таможи этот груз не существует. И мы не тащим пару особей в чемодане ради двухсот тысяч долларов. Мы ставим это на поток. Мы платим 65 процентов от цены — и получаем доступ к каналу. А всё остальное остаётся нашим.

Анна прищурилась. Голос её стал тише, но не от неуверенности — от интереса.

— То есть ты предлагаешь не маскироваться, а платить за невнимательность?

Максим кивнул, взял бокал воды, сделал глоток и поставил обратно.

— Именно. Бонобо — это эндемик Центральной Африки, бассейн Конго. Они попадают в Дубай из африканских стран-источников. Подделка документов и коррупция — это главный инструмент. Животные могут получить фиктивные документы CITES в стране с коррумпированными чиновниками, которые изменяют вид на исчезающий. Знаешь, сколько стоит такая подделка? Дёшево. А дальше — транзитные рейсы с короткими стыковками. Багаж из точки отправления не успевают досмотреть в Дубае. Это не маскировка. Это простой тайминг.

Анна молчала. Егор, сидевший до этого с отстранённым видом, чуть подался вперёд.

— И ты думаешь, это сработает?

Максим ухмыльнулся, посмотрел на них поверх бокала.

— Это работает сейчас. Прямо в эту минуту. Через Дубай проходит тоннами. А мы будем брать по пять штук за раз, и каждый раз — под одним и тем же флагом. И никто не проверит, потому что для таможи этот груз — уже чей-то. А кто его владелец, они узнавать не будут. Им заплатят — они отвернутся.

Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и посмотрел на Анну с той особой, почти неуместной лёгкостью:

— Так что давай, Анн. Сначала ты говоришь мне цену за проход. Потом мы решаем, сколько оставляем себе.

Анна подняла бровь, поставила стакан и переспросила с лёгкой усмешкой:

— Цену за проход? Ты это серьёзно сейчас, Макс? Мы же всё обсудили. Какая цена?

Максим замер на мгновение. Потом медленно поднял обе брови, и глаза его расширились в притворном, почти театральном удивлении — так, будто она только что спросила, а не купить ли им билеты на луну.

— А как ты хотела, моя девочка-то? — сказал он, наклоняясь вперёд и понижая голос до интимного полутона. — Просто зайти на чёрный рынок в чужой стране без связей, без подвязок, без репутации? Просто войти в этот бизнес? Анн, это нереально. Вообще нереально. Тебя просто расстреляют в газовой камере — через повешения, но это уже детали.

Анна хмыкнула, отпила из стакана и, чуть склонив голову, посмотрела на него с той особой смесью интереса и укора, которую она приберегала для таких моментов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.